

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	16
Вступление	24
Благодарность	27
Глава I. Чудесное детство — 1930-е годы	29
Глава II. Конец идиллии — советская оккупация	48
Глава III. Война	62
Глава IV. Беспризорник	100
Глава V. Укрощение беспризорника	123
Глава VI. Интеллектуальные и другие приключения в Колумбийском университете	200
Глава VII. Путь к началу карьеры — преподавание	225
Глава VIII. Удары судьбы в университете и дома	239
Глава IX. Женитьба	254
Глава X. Судьба отклоненной диссертации по Карлу Шмитту	264
Глава XI. Рождение семьи и победа в Колумбийском университете	268
Глава XII. Извилистый путь в науке на фоне семейных радостей	280
Глава XIII. Национальный комитет по американской внешней политике: основные положения	306
Глава XIV. Возвращение в Латвию, трагедия дома, возрождение	343
Избранная библиография	363
Указатель имен, географических названий и терминов	366

*Моим сыновьям
Кларенсу Борису, Клоду Аркадию, Солану Бернарду,*

*внукам
Элеоноре Каре, Заккери Эли, Майклу Адриану,
Ионе Эрику, Ною Александру, Аве Элиане,*

*невесткам
Памеле, Диане,*

*а также
ближайшему другу
Шийле*

и

*в память
об отце Аркадии Якобе Ароне, матери Кларе,
брате Бернарде Борисе, жене Элеоноре,
сыне Адриане*

Мысли знаменитых людей

Однажды королева Виктория спросила своего премьер-министра Бенджамина Дизраэли: «Какие доказательства вы могли бы привести в подтверждение существования Бога?» Дизраэли ответил: «Выживание еврейского народа».

Из истории

Прошлое никогда не умирает. Оно даже не проходит.

Уильям Фолкнер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Венди Лоуэр

Из принятого в исторической науке количества — 6 миллионов евреев, безжалостно убитых во время Холокоста, — около 1,1 миллиона были дети. Мемуарист Джордж Шваб, родившийся в 1931 году, стал представителем межвоенного и военного поколения еврейской молодежи, чьи шансы на выживание были едва ли не самыми незначительными во всей европейской истории. Как могли родители ощущать, а их невинные младенцы — осваивать мир, в котором они появились на свет при нацистах, если законы последних были направлены на истребление, как заявил Гитлер летом 1941 года, корней и ответвлений «всех еврейских семей в Европе»? В своем прекрасном, доходчивом, порой даже остроумном описании выживания Шваб предлагает читателям нечто очень редкое и ценное — наблюдения ребенка, который переживает Холокост как особые удары судьбы: приход немецких войск, убийство отца, утрату дома, враждебность одноклассников-неевреев, одиночество, замешательство, разлука со старшим братом-защитником и находчивой мамой, физические лишения, доводившие до полной беспомощности и почти до смерти. Подобно другим опубликованным историям выживания, послевоенный период представляет собой оптимистичный рассказ о возрождении, любви, семье,

профессиональном успехе в Америке. Однако эта повесть о «возвращении к жизни» не должна восприниматься как обыкновенная хроника. Она поражает нас в сопоставлении с разрушениями и потерями военного времени.

Перед нами автобиография, состоящая из нескольких глав. Можно легко представить себе первые шаги Джорджа в Нью-Йорке в качестве внештатного профессора с большой преподавательской нагрузкой, высокой платой за жилье и молодую семью с тремя детьми в квартире с одной спальней. Шваб честен перед своими читателями. Читая о его послевоенных успехах, часто курьезных подвигах среди честолюбивой и привилегированной публики Манхэттена, Европы и Южной Африки, ощущаешь постоянные приступы грусти из-за этого разрушенного детства и отсутствия родных в его — как поначалу казалось — навсегда обеспеченной жизни. Шваб воплощает в себе дух выжившего, и вследствие этого его жизненная история продолжает разворачиваться, входя в новые сферы и взаимоотношения, и достигает осознанного посвящения себя науке и дипломатии самого высокого уровня. Он принимает жизнь такой, какая она есть, возможно, как он говорит, «подавляя» в тяжких воспоминаниях те давние события своего взросления в годы Холокоста.

В огромной массе документов Холокоста политика нацистов в отношении еврейских детей как специфической группы формулируется в переломные моменты после утверждения так называемого «окончательного решения». После нацистской оккупации Польши в сентябре 1939 года еврейские дети были определены как объекты преследования. Те из них, кто был старше 10 лет, должны были носить знаки еврейской принадлежности,

им полагался пониженный рацион питания, и их селили в гетто вместе с их семьями. Мальчикам и девочкам подросткового возраста предписывались принудительные работы¹. Когда началась война, Швабу было семь лет. Многие евреи Центральной Европы и Польши бежали на восток в советскую зону, где в Латвии жил Джордж, и доставляли туда новости о действиях нацистов и их яром антисемитизме. Джордж как-то услышал разговоры взрослых о еврейках в Вене, которых заставили натирать своими шубками автомобили нацистов, и тогда его отец засомневался в правдивости рассказа, убеждая всех, что немцы являются высококультурной нацией и не могут вести себя так безобразно. Никто не мог представить себе, что через несколько месяцев жизнь еврейского ребенка будет сведена к статусу «беспольного едока». Уровень смертности от болезней, связанных с голодом, стремительно возрос в Варшавском и Лодзинском гетто осенью 1940 года². Не исключено, что родители Шваба знали об этом, но не допускали до Джорджа такую информацию. В те времена в зажиточных семьях, какой была и семья Джорджа, взрослые в разговорах старались оберегать детей от ненужных сведений.

¹ Основные работы о детях в период Холокоста: Patricia Heberer, *Children during the Holocaust*, Lanham MD: Altamira Press in association with the U. S. Holocaust Memorial Museum, 2011; Nicholas Stargardt, *Witnesses of War: Children's Lives under the Nazis*, New York: Vintage, 2007; Deborah Dwork, *Children with a Star: Jewish Youth in Nazi Europe*, New Haven: Yale University Press, 1991.

² К концу войны 15 % евреев Варшавы (60 тысяч мужчин, женщин и детей) умерли от истощения. Dean, volume editor. *Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945, Ghettos in German Occupied Eastern Europe*, Volume II, Bloomington: Indiana University Press, 2012, p. 360.

Все безвозвратно изменилось после 22 июня 1941 года, когда нацисты и их союзники вторглись в Советский Союз и уже 29 июня оккупировали родной город Джорджа Лиепая (Либаву), что на побережье Балтийского моря, примерно в 195 километрах к юго-западу от Риги. В эти судьбоносные летние месяцы, когда Гитлер и Гиммлер начали продвигать свои планы массовых убийств евреев, вопрос о еврейских детях возник одновременно как помеха и как оправдание. Преступники невысокого ранга колебались при необходимости убивать младенцев и детей. Не считаясь с тем, что это могло быть признано морально омерзительным, Гиммлер делал упор на то, что детей следует убивать, иначе они вырастут и будут мстить за своих родителей. В начале июля 1941 года некий член 105-го резервного полицейского батальона писал домой в Бремен, что «евреи — это битая карта. Евреям можно дать только один добрый совет: не приносите больше детей в этот мир. Никакого будущего у них нет»¹. С этим в августе 1941 года соглашался некий генерал вермахта: «Выводок должен быть истреблен». Возможно, это был совокупный эффект восьми лет нацизма и антисемитизма. Глубоко тревожным представляется осознание того, что уже за несколько недель могли рассеяться моральные запреты на массовые убийства женщин и детей. Нацистские лидеры и их наиболее фанатичные приверженцы в СС и армии, которые верили, что война против Советского Союза была битвой за существование против иудео-большевизма, наращивали размах убийств евреев, начиная с государственных

¹ Christopher Browning with Juergen Matthaeus, *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Policy, September 1930 — March 1942*, Omaha/Jerusalem: University of Nebraska Press/Yad Vashem, p. 260–261.

и партийных деятелей до целых семейств и общин. Их расстреливали в оврагах, в поле, в общественных парках — открыто — в Украине, Восточной Польше, Беларуси и в странах Балтии. Отец Джорджа, умудренный и известный в городе врач, был среди первых жертв Холокоста в Лиепаяе. После жестоких издевательств он был застрелен в песчаных дюнах на берегу Балтийского моря, в нескольких километрах от собственного дома.

Во время войны охота немцев на еврейских детей усилилась. Эсэсовцы и полицейские планомерно рыскали в сиротских приютах, обыскивали укрытия, устанавливали наличие обрезания у схваченных мальчиков, проверяли знание девочками церковных порядков, если те выдавали себя за христианок. Участь тех, чья идентичность не могла быть установлена, была разной: смерть, лагерь, усыновление или продажа на аукционах для обнищавших семей в Восточной Европе. Шансы на выживание для такого ребенка были ничтожными, и большинство лишившихся своих семей утрачивали и свою еврейскую самоидентификацию¹.

В этом заключается одна из причин ценности этих незаурядных мемуаров. Они противостоят стремлению нацистов разрушить и вычеркнуть самое хрупкое. Они возвращают жизнь и достоинство семье Швабов, представляя выразительные воспоминания Джорджа о детстве. Они читаются как искреннее, содержательное и чаще всего увлекательное повествование. Шваб воскрешает воспоми-

¹ Об утрате самоидентификации еврейских детей в Польше: Joanna Beata Michlis, *Jewish Children in Nazi-Occupied Poland, Early Postwar Recollections of Survival and Polish-Jewish Relations During the Holocaust*, Search and Research, Volume 14. Yad Vashem Studies, 2008.

нания о перенесенном в гетто и лагерях, о марше смерти на барже в ледяной воде Балтийского моря. Пережив эту травму ребенком, он представляет события не как последовательное описание, а скорее в виде отдельных, сменяющих друг друга сцен из памяти в сочетании с моментами мучительных потерь и физических страданий, как это было в дни, когда убили его отца, когда он ощущал непереносимый голод или когда был разлучен с братом и матерью.

Освобождение не было для Джорджа моментом восторга. Баржи с вконец истощенными узниками Штуттгофа, среди которых был и Джордж, притащили в западную часть Балтики и после недельного блуждания бросили в открытом море. Джорджа, совсем еще ребенка, другие выжившие узники довели до берега. Их всех собрали в тренировочном центре немецких подводных лодок. Утром, перед самым приходом англичан, солдаты немецкой морской пехоты обстреляли полуживых узников. А потом, уже после полудня, немцы вдруг сложили оружие. Какой-то немецкий солдат сказал Джорджу: «Чего же ты не идешь к тому американцу (хотя это был английский солдат), он даст тебе чего-нибудь пожевать». В бредовом состоянии из-за невыносимого голода Джордж впился зубами в кусок мыла, который принял за хлеб.

К концу войны Джордж был одним из 11 миллионов беженцев, пытавшихся отыскать еду, одежду, укрытие и воссоединиться с родными. Знаменательно, что маму он нашел в 1946 году в Германии с помощью письма-запроса, посланного из США кем-то из родных. Послевоенные страницы представлены довольно подробно. Мы видим, как события его детства нашли отклик в зрелом возрасте. Джордж решает посвятить себя академической карьере

в Колумбийском университете и написать диссертацию о противоречивом теоретике права Карле Шмитте. Подготовка такой работы заставила его направиться в Европу, в Германию, для сбора материалов. Каково это было для него, еврея, — вновь оказаться в Старом Свете и углубиться в работы Шмитта, добившегося доверия нацистов и напечатавшего несколько антисемитских статей в середине 1930-х годов? Отец с детства приучал Джорджа к немецкой культуре, и это было частью его воспитания в высших слоях немецкоязычной еврейской общины в Латвии. Теперь же Джордж вынужден был считаться с изменением подхода к культуре и принимать во внимание собственную ненависть к нацистам. В своей новой, американской жизни в Нью-Йорке Джордж сблизился с другими выжившими, включая Эли Визеля, и присоединился к движению увековечения памяти и исследования Холокоста. Начиная с 1986 года он принимал участие в различных комитетах, сформированных при создании Американского мемориального музея Холокоста, и активно руководил исследовательской и образовательной программами музея с момента его открытия в 1993 году. Видеозапись рассказа Шваба о жизненном пути является частью коллекции музея, она доступна в интернете и представляет собой замечательное дополнение к его письменному повествованию.

Послевоенная карьера Шваба представляет собой историю успеха. Защитив докторскую диссертацию в Колумбийском университете, он становится профессором истории в городском университете Нью-Йорка, выдающимся ученым, сооснователем и президентом Национального комитета по американской внешней политике (начало 1990-х — 2015). Он самоутвердился как сторонник холод-

ной войны, политический реалист, приверженец гражданской дипломатии, выступавший модератором в наведении мостов мирного процесса в Северной Ирландии, уменьшения напряженности между Соединенными Штатами и Китаем, ослабления взрывоопасности в отношениях между Китаем и Тайванем. Джордж посетил Латвию в 1990 году, позднее обратился к президенту Вайре Вике-Фрейберге с предложением содействовать при вступлении страны в НАТО. Воздавая память доброму имени скончавшейся жены и желая поддержать изучение еврейской истории и Холокоста в Латвии, Шваб активно подключился к воссозданию библиотеки, носящей сейчас имя Элеоноры Шваб, в историческом еврейском центре Риги (к настоящему времени собрано более 14 тысяч томов). Он ощущает важность даты и выступает на ежегодных памятных мероприятиях в Риге 4 июля, в годовщину начала массовых расстрелов евреев в 1941 году. Он и его ближайший друг Шийла Джонсон-Роббинс поддерживают кампании увековечения памяти евреев, убитых в Лиепае, а также местных жителей, спасавших евреев. Джордж встречается со школьниками и гостями города, рассказывает им о прошлом, и в его устах эти истории становятся живыми и запоминаются для пересказа другим.

Когда нацисты оккупировали Лиепаю, там жило 8 тысяч евреев. После войны выживших оказалось 175. Процент выживания детей возраста Джорджа приближался к нулю¹. Читая эти мемуары, вы узнаете о выживании

¹ Martin Dean, volume editor, *Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Ghettos in German Occupied Eastern Europe*, Volume II, Bloomington: Indiana University Press, in association with the US Holocaust Memorial Museum, 2012, Liepaja entry, p. 1013.

в неблагоприятных условиях не как о сказочном спасении, но как о счастье, смекалке, стойкости, любви родных и о другом заключенном, Юлии Голдберге, который помогал Джорджу в критические моменты. Вы узнаете о жизни, прожитой в полную силу, несмотря ни на что.

Доктор Венди Лоуэр — профессор истории в колледже Мак-Кенна в Claremonte, штат Калифорния. Глава Центра перспективных исследований Холокоста имени Джека и Мортона Мандел в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне.